

УДК 821 (511+ 512.154)

DOI: 10.30624/2220-4156-2026-16-2-276-285

Образ малой родины в поэзии Владимира Мазина и Омора Султанова (сопоставительный анализ)

Ж. О. Султанова

*Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина,
г. Бишкек, Кыргызская Республика,
jeep502@inbox.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Данная статья исследует поэтические образы малой родины, представленные в русскоязычном творчестве российского поэта из Югры Владимира Мазина и Народного поэта Кыргызской Республики Омора Султанова в рамках сопоставительного анализа. В поэзии обоих авторов именно образ малой родины (село Ларьяк у В. Мазина и село Тосор у О. Султанова) выступает катализатором их поэтического начала, вдохновения.

Цель: выявить и описать своеобразие поэтического отображения образа малой родины у В. Мазина и О. Султанова.

Материалы исследования: стихотворения Владимира Мазина из книги «Пристань радостей и печалей» и Омора Султанова из издания под названием «Антология кыргызской литературы: публицистическая лирика середины XX – начала XXI века в оригинале и переводах: Книга 1. Омор Султанов».

Результаты и научная новизна. Научная новизна работы состоит в первом целостном сопоставлении югорской и кыргызской поэтики малой родины через призму русскоязычной лингвокультуры. При общности тематических категорий (село, природа, мать) поэты формируют принципиально различные модели поэтического мироощущения: у В. Мазина образ Ларьяка окрашен мотивами утраты и разрыва с прошлым, тогда как у О. Султанова Тосор и Иссык-Куль воплощают жизнеутверждающую связь с землёй и предками. Полученные выводы могут быть использованы в образовательных программах по национальным и региональным литературам, межкультурной коммуникации и переводоведению.

Ключевые слова: образ, малая родина, село, Ларьяк, Тосор, родная природа, мать, Владимир Мазин, Омор Султанов, русская лингвокультура

Для цитирования: Султанова Ж. О. Образ малой родины в поэзии Владимира Мазина и Омора Султанова (сопоставительный анализ) // Вестник угроведения. 2026. Т. 16. № 2 (65). С. 276–285. DOI: 10.30624/2220-4156-2026-16-2-276-285

Image of the small homeland in the poetry of Vladimir Mazin and Omor Sultanov (comparative analysis)

Zh. O. Sultanova

*Kyrgyz-Russian Slavic University
named after the first President of the Russian Federation B. N. Yeltsin,
Bishkek, Kyrgyz Republic,
jeep502@inbox.ru*

ABSTRACT

Introduction: this article is devoted to a comparative analysis of poetic images of the small homeland in the works of two poets Vladimir Mazin (Yugra, Russia) and Omor Sultanov (People's Poet of the Kyrgyz Republic), revealing common features and characteristics of their artistic perceptions. For both authors, their native land (the village of Laryak for V. Mazin and the village of Tosor for O. Sultanov) serves not only as a place of birth but also as a source of creative inspiration, a key motif that initiates the poetic process.

Objective: to explore and describe the characteristics with which the poets V. Mazin and O. Sultanov present the image of the small homeland. To this end, a comparative study will be conducted, focusing on three key themes: the image of the home and village, the image of native nature, and the image of the mother.

Research materials: poems by Vladimir Mazin from the book “The Harbor of Joys and Sorrows” and Omor Sultanov from the publication entitled “Anthology of Kyrgyz Literature: Publicistic Lyrics of the Middle of XX – early XXI Centuries in the Original and Translations: Book 1. Omor Sultanov”.

Results and novelty of the research: this work is notable for its first comprehensive comparative study of the poetics of small homeland of Yugra and Kyrgyz poets, taking into account the influence of Russian-language linguistic culture. Particular attention is paid to the role of the poets themselves as guardians and exponents of regional and national identity. Despite the overlapping of their main themes (village, natural environment, and the image of the mother), the poets create distinctly colored worldviews. In V. Mazin's works, Laryak appears as a symbol of loss and a break with history, while in O. Sultanov's poems, Tosor and Issyk-Kul embody the strength of spirit that grows from unity with the land and ancestors. These findings can be used to develop curricula on national and regional literature, intercultural communication and translation.

Key words: image, small homeland, village, Laryak, Tosor, native nature, mother, Vladimir Mazin, Omor Sultanov, Russian linguoculture

For citation: Sultanova Zh. O. Image of the small homeland in the poetry of Vladimir Mazin and Omor Sultanov (comparative analysis) // Vestnik ugrovedeniya = Bulletin of Ugric Studies. 2026; 16 (2/65): 276–285. DOI: 10.30624/2220-4156-2026-16-2-276-285

Введение

Поэзия Владимира Мазина¹ тесно связана с родным краем, с образом северной деревни, системой северных рек; он выступает ярким представителем югорской литературы конца XX – начала XXI вв. Поэзия В. Мазина представляет малую родину не просто как географическую локацию, а как глубинный источник самобытности, формирующий память, образ мышления и систему ценностей. Сам В. Мазин подтверждает: «Ларьяк связан с моим становлением как человека и как поэта» [20].

В поэтике Омора Султанова² национальная образность сочетается с универсальными гуманистическими мотивами; для русскоязычного читателя его стихи доступны в переводах, что придаёт межкультурному диалогу особые нюансы. Общая тенденция тяготения В. Мазина и О. Султанова к сельским мотивам их родных земель (Ларьяк – Югра, Тосор – Кыргызстан) формирует индивидуальные творческие паттерны малой родины и отражает более обширные культурные связи между регионами. Это важно, так как «обращение к понятию малой родины, её содержанию и функциям чрезвычайно важно для понимания пространственно-временных циклов жизни человека» [10, 60–61], а «истинным творцом считается лишь тот, кто способен выразить свои чувства и переживания языком и пером» [25, 27].

Данное исследование опирается на широкий круг работ о литературе Югры и Кыргызстана. Исследователи литературы ХМАО – Югры рассматривают её через призму связи с мифологией, природой и культурными архетипами коренных народов. А. А. Арзамасов указывает на укоренённость мансийской художественной традиции в фольклоре и её место в словесности циркумполярной зоны [3, 19]. О. Ю. Динисламова выделяет в мансийской поэзии ключевые мотивы свободы, света, связи с природой и материнской любви [11], а А. П. Кашкарёва и Н. Н. Сафонова называют константой хантыйской культуры образ женщины-матери [13, 70]. Е. В. Косинцева изучает культурные коды и знаковые системы хантыйской литературы в финно-угорском и мировом контексте [14, 155]. В свою очередь, Д. В. Ларкович подчёркивает, что поэтика пространства в лирике объединяет ландшафтные, мифологические и этнографические черты,

выявляя родство культурных моделей [16, 47]. И. Г. Рябий подытоживает, что поэты Югры едины в своём эсхатологическом взгляде: природа является колыбелью человечества и нуждается в сохранении [19, 108]. При изучении литературы Кыргызстана учёные акцентируют внимание на её выходе в международное пространство и сохранении кочевой идентичности. К. А. Абдыжапарова подчёркивает, что кыргызская поэзия при переводе на другие языки открывает миру мудрость, традиции и менталитет своего народа [1, 14]. Б. А. Бейшеналиев связывает преобразование облика кыргызской литературы с процессами суверенизации, ростом самоидентификации и вхождением страны в мировое сообщество [5, 61]. На важность сравнительного литературоведения для анализа произведений разных эпох и стран указывает Н. А. Казакова [24]. М. Б. Жамакова и Н. А. Казакова также обращают внимание на феномен коллективизма в кыргызской литературе, который отражает кочевое прошлое, где семья и община занимают центральное место [28, 202].

Произведения югорского поэта Владимира Алексеевича Мазина представляют собой интересный текстовый материал, который ранее не был подвергнут лингвостилистическому анализу [6, 9]. Имя автора стало известно в эпоху «свингующих шестидесятых» – периода радикальных перемен, начала пилотируемой космонавтики и холодной войны, когда поэт, видимо, почувствовал необходимость выразить своё понимание смысла бытия через собственную художественную концепцию [7, 16]. В его поэзии индивидуальный образ дома стал одной из главных составляющих образной системы, а значимое место в творчестве занял образ Ларьякского поэта, чей статус В. Мазин считает самым высоким и требующим того, чтобы его заслужили у земли своей [12, 237].

В своём поэтическом творчестве кыргызский поэт Омор Султанов стремится сформировать нравственные принципы, развить тему любви к родителям, родине и народу, и таким образом пробудить патриотизм [8, 238]. При этом его творческая судьба и горизонты напрямую зависят от жизненного пути: уже с ранних произведений автор с истинным талантом раскрывает сущность человеческой личности, выводя на первый план интеллектуальный образ лирического героя и его «Я» [9, 566]. Помимо оригинальной

¹ Владимир Алексеевич Мазин (род. 1951) – российский поэт, Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Родился в селе Ларьяк Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

² Омор Султанович Султанов (1935–2022) – Народный поэт Кыргызской Республики, дважды награждённый орденом «Манас», уроженец села Тосор Жетиногузского района Иссык-Кульской области Кыргызстана.

лирики, О. Султанов проявил себя как грамотный переводчик: результаты исследований подтверждают, что, к примеру, его переводы лирики М. Ю. Лермонтова соответствуют всем критериям качества [21, 244], равно как и его поэтические переводы стихотворений А. С. Пушкина признаются достоверными с точки зрения необходимой эквивалентности, вольности и адекватности [22, 404]. Успех его переводческой деятельности во многом обусловлен тем, что О. Султанов, будучи билингом, глубоко понимал нюансы национального сознания и культуры, благодаря чему смог успешно интегрировать особенности кыргызской мировоззренческой системы в образный ряд русской лингвокультуры [23, 437].

Проблематика исследования заключается в комплексном сопоставлении художественных моделей малой родины, которые воплощают полярные культурные типы: сибирско-северный в творчестве В. Мазина (с доминантой экзистенциального отчуждения) и центральноазиатский в наследии О. Султанова (с опорой на сакрализацию родовой связи). Исследовательская лакуна видится в отсутствии целостного сравнительного анализа этих двух локальных образных систем, функционирующих в рамках единого русскоязычного дискурса. Сопоставительный анализ позволяет не просто зафиксировать различия в восприятии родного пространства, но и раскрыть, как эти глубоко специфические национальные и региональные образы сохраняют свою этнокультурную аутентичность, будучи транслированными через универсальное поле языка-посредника, и превращаются в концепты, открытые для широкого межкультурного диалога. Этнокультурные особенности Севера Сибири и Центральной Азии трансформируются при взаимодействии с русской лингвокультурой, выполняющей функцию посредника [18; 27]. К примеру, исследователи У. М. Бахтикиреева и О. А. Валикова подчёркивают важность сравнительного литературоведения с точки зрения формирования пространства смыслообразования в областях взаимодействия (диалог культур) [4, 176–177].

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили стихотворения Владимира Мазина «Ларьякский дом», «Ручей-шептун...» и «Маме» из книги «Пристань радостей и печалей» [17] и следующие поэтические произведения Омора Султанова: отрывки из поэм «Тридцатая станция», «На берегу Иссык-Куля», а также первая песня-стихотворение из цикла «Песни усталости» под названием «Тоска по матери». Все они представлены в из-

дании под названием «Антология кыргызской литературы: публицистическая лирика середины XX – начала XXI в. в оригинале и переводах: Книга 1. Омор Султанов» [2]. Для анализа были выбраны наиболее характерные и типичные для обоих авторов поэтические произведения.

В работе использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный, социокультурный, а также теория Риффатера, являющаяся «одним из важнейших современных критических методов, который стремится прояснить концепции литературных произведений, особенно современной поэзии, и пытается раскрыть таинственные литературные концепции и передать их читателям этих произведений» [26, 131].

Результаты

Зачастую в поэзии описание родного села служит ключом к осмыслению малой родины как пространства памяти, идентичности и культурных ценностей.

Рассмотрим стихотворение В. Мазина «Ларьякский дом» (1980 г.). Оно представляет собой глубоко личное и ностальгическое размышление об образе родины, который в данном случае сужен до конкретного, но знакового места – старого дома в селе Ларьяк. Образ родины в этом стихотворении строится у В. Мазина не на широких пейзажах, а на фиксации уходящего времени и утраты связи с прошлым. Центральным образом родины выступает «Старинной рубки дом / На улице Стаханова» [17, 3]. Это сочетание архаичного образа («старинной рубки дом») и советского топонима («улице Стаханова») указывает на место, находящееся на стыке эпох и традиций, что характерно для мазинского восприятия российской действительности. Этот дом, простоявший «тридцать зим», символизирует стабильность и некую константу в жизни лирического героя. Конкретное расположение дома («Он тридцать зим стоял / Напротив типографии» [17, 3]) придаёт ему функцию общественного, информационного центра. Типография и дом, который «Как памятник сиял / Со старой литографии» [17, 3], связывают физическую реальность с памятью и изображением. Дом представляется хранителем общей памяти. Родина, в частности, дом в юности ассоциировался с активностью и жаждой жизни. Жители, включая лирического героя, были неотъемлемой частью его существования: «Все новости узнать / Мы торопились первыми». И дом как живое существо, разделял эту активность: «Дом разучился спать» [17, 3]. Эта персонификация показывает, насколько тесной была эмоциональная связь

между людьми и их местом обитания. Однако ключевым моментом в отображении образа родины становится мотив разрушения, старения и разрыва. Дом, «состарившийся не в срок», отражает преждевременное увядание не только здания, но и той эпохи и того уклада жизни, которые он олицетворял. Время неумолимо («И мы уже не молоды» [17, 3]). Старение дома становится проекцией изменения мировоззрения самого героя и утраты былой связи с местом. Финал стихотворения трагичен и ставит жирную точку в отношениях с этим образом родины («Ступаем на порог, / Где нас встречают холодно» [17, 3]). Безразличие при встрече подчёркивает отчуждение. Дом, который раньше был источником тепла и новостей, теперь не узнаёт своих, стал чужим. Начало стихотворения «Теперь уже с трудом / Мы вспоминаем заново» [17, 3] подтверждает, что даже память о родине (в данном случае о доме) требует усилий, что свидетельствует о глубоком разрыве с прошлым. Исследователи поясняют: «Есть в лирике поэта и образ разрушенного дома. Дом – это образ собирательный, ассоциативный, но у Мазина имеет конкретную адресацию. В целом, дом – это символ малой родины» [15, 156]. Таким образом, образ родины у Владимира Мазина в этом стихотворении – это не гордость, а пронзительная элегия о потерянном, о месте, которое, будучи физически узнаваемым, эмоционально уже недоступно.

В автобиографической поэме под названием «Тридцатая станция» (в переводе М. Ватагина, 1964 г.) [2, 36–45] Омор Султанов уделяет особое внимание реке Тосор. В произведении отчётливо прослеживается глубокая связь лирического героя с родиной, выраженная через образ Тосора. Малая родина предстаёт не просто местом рождения, но и источником духовных сил, нравственных ориентиров и чувства принадлежности. Строки «Когда уходил я в мир огромный за счастьем, все сокровенные тайны Тосору доверил...» [2, 43] задают тон всему произведению, показывая Тосор как хранителя, как символ доверия и веры на родной земле. Возвращение к родному берегу всегда ассоциируется с чувством нежности и умиротворения («Сколько б с тех пор в долину ни возвращался / лаской меня встречает родимый берег» [2, 43]). Родной для поэта Тосор наделяется способностью воспитывать любовь к родине («Ты, мой Тосор, ещё в далёкие годы / сердце моё напоил любовью к Отчизне»). Родина представляется как колыбель, формирующая личность героя, определяющая его ценности и идентичность. Значимым является образ «корней», уходящих в горы («Корни мои, я знаю, уходят в горы. / В горы седоголовые и плечистые» [2,

43]), что символизирует глубокую связь с историей и культурой предков. Благодарность и признательность Тосору звучат в строках «Милый Тосор, если чего-то стою, / – это тебе я обязан, твоим истокам» [2, 43]). Подчёркивается, что без Тосора лирический герой чувствовал бы себя абсолютно одиноким, что указывает на определяющую роль родины в формировании его личности («Я без тебя был бы совсем сиротою» [2, 43]). Образ «тулпара со звонким скоком» символизирует дар свободы и силы, полученный от родной земли, от реки. Тосор становится символом утраченного детства, личным пространством памяти («Вот так же Тосор, река далёкого детства» [2, 44]). Строки «несёт Иссык-Кулю воды свои весною...» осуществляют связь малого (река) с большим (озеро), а весна, контрастируя с далёким прошлым, придаёт образу динамику обновления. Озеро Иссык-Куль превращается в родовое наследие, символ исторической и культурной преемственности («Мой Иссык-Куль, ты предков моих наследство»). Далее наблюдается эмоциональная кульминация данного отрывка: озеро становится духовным оберегом, постоянным спутником лирического героя вне зависимости от места его текущего пребывания («ты – талисман, где б я ни был – ты всюду со мною» [2, 44]). А строки «Мой Тосор, “А” моей первой азбуки» делают родное село и одноименную реку символом начала пути – Тосор ассоциируется с первыми шагами в познании мира, с детством как временем открытий. Строки «встречи с тобой, Тосор, – звонкие праздники, / ты научил меня солнце встречать по утрам» раскрывают значение реки в формировании мировоззрения автора. Приезд в родное село, к реке ассоциируется с радостными событиями, а само место учит видеть красоту в простых вещах, ценить каждый новый день. Также О. Султанов подчёркивает моральную ценность родного края. Тосор становится не только источником знаний и вдохновения, но и проводником нравственных ценностей («ты научил меня зло отличать от добра» [2, 44]). Малая родина учит различать добро и зло, формируя моральный компас человека.

В сопоставлении поэтических произведений В. Мазина («Ларьякский дом») и О. Султанова (отрывок из поэмы «Тридцатая станция») вырисовываются две разнонаправленные модели поэтического осмысления малой родины — трагическая и жизнеутверждающая. При общности исходной установки (родина как фундаментальная ценностная опора) авторы демонстрируют принципиально различную эмоциональную и смысловую направленность.

Различия позиционируются в двух плоскостях. Во-первых, в аксиологии: у Мазина родина – объект печали, у Султанова – объект благодарности. Во-вторых, в пространственно-временной организации: у Мазина дом статичен и деградирует, у Султанова река динамична и питает жизнь. При этом оба поэта избегают декларативности, опираясь на конкретные детали (к примеру, типография напротив дома, воды Тосора, выпадающие в Иссык-Куль), которые превращают локальные образы в универсальные символы.

Итак, если Мазин фиксирует трагедию разрыва с прошлым, то Султанов утверждает гармонию связи с ним. Эти модели отражают не только индивидуальную поэтику каждого из авторов, но и культурно-исторические контексты: северная югорская философия Мазина с её мотивом ностальгии по прошлому и кыргызская традиция Султанова с её сакрализацией земли и предков. В итоге оба поэта решают одну задачу – понимание идентичности через осмысление значения малой родины, при этом предлагают противоположные ответы: потеря и опора.

Вторая центральная тема, раскрывающая образ малой родины, – это родная природа.

В стихотворении «Ручей-шептун...» (1979 г.) Владимир Мазин выстраивает многослойный образ природного пространства близ Ларьяка. Уже в первой строфе («Ручей-шептун, / ручей-болтун / Во мраке буерака, / Природы баловень, / игрун / Резвится близ Ларьяка» [17, 66]) задаётся двойственная природа ручья: он одновременно, и шепчет (сокровенность, тайна), и болтает (поверхностность, беспечность). Метафора «природы баловень» подчёркивает его юную беззаботность, что подкрепляется глаголом «резвится», а именно движением, лишённым рефлексии. Контраст углубляется во второй строфе: «Его сторонится кедрач – / Он возрастом моложе – / Струя веселия на плач / О прожитом похожа» [17, 66]. Кедрач, как старший и мудрый, дистанцируется от ручья – символа молодости, чьё «веселие» на самом деле маскирует печаль по всему утраченному. Здесь возникает мотив иллюзорности радости: веселье ручья – это «плач о прожитом», то есть неосознанная тоска по прошлому. Третья строфа («И стонут кроны в вышине, / Сопротивляясь ветру. / Не всё понятно нынче мне / И маленькому кедру» [17, 66]) переносит акцент на всеобщий характер непонимания. «Стон кроны» – метафора страдания природы под натиском стихии, а фраза «Не всё понятно нынче мне / И маленькому кедру» уравнивает лирического героя с деревом: и человек, и природа испытывают растерянность перед лицом неумолимого времени. В четвёртой строфе («Мы

с ним осмелились молчать / И слушать смех потока, / Луны печальная свеча / Нам кажется далёкой» [17, 66]) молчание становится формой сопротивления неизвестности. Герой и кедр «осмеливаются» не говорить, чтобы вслушаться в «смех потока» – но даже этот смех не приносит утешения. Образ «луны печальной свечи» усиливает ощущение отчуждённости: свет луны, традиционно связанный с умиротворением, здесь «далёк» – как и понимание смысла происходящего. В поэзии В. Мазина родная природа фиксирует момент экзистенциального озарения: молчание перед лицом окружающего мира становится единственным способом соприкоснуться с его тайной, но даже этот негласный диалог не снимает чувства отдалённости и дисбаланса.

К примеру, в первой части поэмы Омора Султанова под названием «На берегу Иссык-Куля» (в переводе И. Фоякова, 1973 г.) лирический герой выстраивает цепь воспоминаний, где природный ландшафт становится катализатором рефлексии о детстве, идентичности и связи с родиной. Уже в зачине («Над Иссык-Кулем ранью ранней / сидел я» [2, 55]) задаётся пространственно-временная рамка: раннее утро у озера – это момент тишины, благоприятный для погружения в воспоминания. Визуальный образ «Предо мной, круты, / кипели волны – в океане / так пляшут радостно киты» [2, 55] вводит масштаб и энергию: волны уподобляются китам, что придаёт пейзажу одновременно, и мощь, и игривость – черту, резонирующую с детским восприятием. Динамика природы усиливает эмоциональный фон: «И ветра мускулы крепчали. / И чайки белые кричали» [2, 55]. Метафора «мускулы ветра» овеществляет стихию, делая её участником сцены, а крик чаек добавляет звуковую текстуру, подчёркивающую живость момента. На этом фоне происходит переход к воспоминанию («Я вспомнил детские года»), которое раздвигает пространственно-временные рамки. В последующих строках («Юнец, мечтатель, забияка, / здесь я шатался. И всегда / была со мной моя собака» [2, 55]) герой реконструирует себя прошлого – активного, дерзкого, но не одинокого (собака как верный спутник). Сцена купания («Плыла собака по волнам, / вздымая морду к небесам») и строки «ватага детская плескалась» [2, 55] воссоздают атмосферу беззаботности, где природа – не фон, а соучастник игр. Ветер является соратником волн: «а с гор, воды волнующая гладь, / шёл ветерок». Его образ «как влага, жажду утолять» [2, 55] метафорически связывает физическое ощущение с духовной потребностью – намёк на то, что родина питает не только тело, но и душу. Кульминация рефлексии при-

ходится на прямое обращение: «Мой Иссык-Куль! Тогда ты, помню, / был самым близким существом мне» [2, 55]. Озеро персонифицируется – оно не объект, а «существо», то есть субъект отношений, что подчёркивает глубину эмоциональной привязанности лирического героя к нему. Эта близость подкреплена визуальным образом уток: «Касаясь крыльями волны, / стремительно летали утки» [2, 55] – движение птиц символизирует свободу и гармонию, которыми герой некогда обладал. Размышление о силе прошлого («Как были мы в те дни сильны / на игры, выдумки и шутки!») сменяется вопросом о народной игре «ак чолмек» [2, 55], что вводит этнокультурный код: игра становится метафорой коллективной памяти, которая призвана связать поколение героя с традицией. Итоговый вывод («Над Иссык-Кулем вырастая, / мы сознавали наконец, / что для живых земля родная – / вторая мать, второй отец») формулирует центральную идею: родина – не просто место, а экзистенциальная опора, сопоставимая с ролью родителей в жизни ребёнка. Завершающие строки первой части поэмы («С тех самых пор в любой разлуке / я к ней протягиваю руки» [2, 55]) переводят воспоминание в модус вечного присутствия: даже в отрыве от родной земли герой сохраняет с ней связь – жест «протягиваю руки» становится символом перманентной привязанности. Таким образом, поэма строится как движение от конкретного пейзажа к универсальному смыслу: Иссык-Куль превращается в символ родины, которая, будучи «второй матерью», формирует идентичность и даёт силу даже в разлуке.

В поэзии, как В. Мазина (стихотворение «Ручей-шептун...»), так и О. Султанова (отрывок из поэмы «На берегу Иссык-Куля») природа становится ключевым посредником в осмыслении малой родины, однако поэты реализуют эту функцию по-разному, отражая индивидуальные эстетические и экзистенциальные установки. У Мазина природный ландшафт родной земли пронизан мотивом необратимой утраты и отчуждения. Природа в этом случае не утешает, а обнажает разрыв между прошлым и настоящим. Султанов, напротив, выстраивает позитивную модель взаимодействия человека и ландшафта: Иссык-Куль персонифицируется как «самое близкое существо», а сцены из детства и этнокультурные детали (игра «ак чолмек») подчёркивают жизнеутверждающую связь поколений – природа выступает источником силы и преемственности. Общим для исследуемых произведений остаётся понимание природного пространства как места памяти и самоидентификации, но если у Мазина эта память окрашена горечью утраты, то у Султанова – ощущением духовной опоры.

В поэтических произведениях образ матери становится глубинным смысловым кодом, через который концептуализируется малая родина. Он соединяет биографическую память с архетипическим переживанием родного пространства. В отличие от пейзажных или топографических маркеров, мать воплощает не просто место, а эмоционально-ценностную модель принадлежности – ту первичную среду, где формируются язык, интонация, личностные ориентиры.

Проанализируем стихотворение Владимира Мазина под названием «Маме» (1977 г.). В исследуемом стихотворении образ матери становится смысловым центром, через который раскрывается подлинная сущность малой родины – не как идиллического пространства, а как места жизненной стойкости и жертвенного труда. Уже в первых строках («Не красоту ты нежила / Купальщицей в реке...») подчёркивается отсутствие пасторальной лёгкости: мать показана не в эстетизированном образе, а в ситуации выживания («С детьми на рыбе выжила / В военной той беде»). Её деятельность – не созерцание, а напряжённый физический труд («Бросала моя матушка / Сеть-невод в кровь-зарю» [17, 17]), что формирует представление о малой родине как о пространстве, требующем от человека предельной самоотдачи. Значимо и то, как поэт фиксирует коллективный опыт: «Голодные ребятушки / Сидели на яру» – здесь мать выступает не столько как конкретный человек, но, прежде всего, как опора целого поколения, переживающего тяжёлые времена. Боль и страх матери тесно связаны с образами родного края, дары которого помогали выжить: «Все повторила кроме бы / Слёзы / – в кормилец-Вах...». Кульминация образа передана ёмко: «Держала экономику / На худеньких плечах» [17, 17]. Через зримую деталь (худые плечи) определяется колоссальная нагрузка, которую несёт женщина, становясь живым символом жизнеспособности родного края. Таким образом, в данном случае малая родина определяется не через пейзажную красоту, а через нравственную силу её людей – в первую очередь, матери, чья повседневная борьба с внешними обстоятельствами жизни ради семьи и детей становится мерилем подлинной ценности родины.

В первой песне из цикла «Песни усталости» Омора Султанова под названием «Тоска по матери» (в переводе Л. Васильевой, 1984 г.) образ матери становится ключевым смысловым узлом, через который реализуется образ малой родины как пространства моральной привязанности и эмоциональной устойчивости. Исследуем отрывки из данного поэтического произведения. Уже в начале стихотворения

(«Я, ученик / второго или третьего класса, / каникул еле дождался / и, никому не сказав, / словно ветром гонимый, / кинулся маму искать...» [2, 71]) задаётся мотив безоговорочного, почти инстинктивного стремления к матери – он прочитывается не как бытовой эпизод, а как символическое движение к жизненно важному центру. Контекст болезни («Мама болела тогда тяжело, / и, от смерти спасаясь, / близ табуна приютилась она / и кумысом лечилась») усиливает значение матери как высшей ценности, которую боишься потерять. Её физическое присутствие в пространстве малой родины (табун, кумыс – знаки традиционного уклада) становится гарантом сохранения жизни и культурной преемственности. Эмоциональный накал («Бурей во мне бушевала тоска – / мама / Страх и тоска / безошибочно гнали к тебе меня, / мама...» [2, 72]) раскрывает мать как экзистенциальный ориентир: даже на расстоянии она задаёт вектор поведения героя, формируя его отношение к родным местам – она для сына и есть дом, родина. Именно поэтому маленький мальчик, несмотря ни на что, на свою усталость, шёл навстречу маме, дому («Солнце слепило глаза, / веки слипались, / усталость валила, / вела и тащила тоска по дороге меня»). Кульминация встречи («Ветхий шалаш / Прямо с палкой в руке я ввалился в него: / – Мама! – / Радости буря, страха метель – / всё закипело в груди – / мама!» [2, 72]) фиксирует момент восстановления целостности: мать не просто близкий человек, а символический «дом», в котором сходятся страх, радость и память. Значимо и эхо – как акустический образ связи («Эхом тоска по ущелью метнулась... / Эхо любви в моём сердце очнулось» [2, 73]). Оно расширяет личную историю до масштаба местности, делая малую родину пространством, где эмоции обретают вещественность. Финал данного эпизода («Плакала мать, / мы сидели и плакали вместе... / слёзы падали тяжело, / и в них прорывалась тоска, / и, наверное, с ними болезнь уходила...» [2, 73]) подчёркивает исцеляющую силу магической связи матери и ребёнка, человека и природы: слёзы становятся ритуалом очищения, а совместное переживание – способом утверждения принадлежности к месту и роду. Таким образом, мать в изучаемом стихотворении не просто персонаж, а смысловой стержень малой родины – та точка отсчёта, через которую герой осознаёт себя частью конкретного культурного и природного ландшафта.

В стихотворениях, как Владимира Мазина, так и Омора Султанова, образ матери становится универсальным кодом осмысления малой родины, однако поэтические стратегии его

раскрытия у авторов различаются. У Мазина мать предстаёт как социально-историческая фигура: её жертвенный труд и физическая хрупкость метафорически воплощают стойкость целого сообщества в условиях кризиса – малая родина здесь мыслится как пространство коллективной выживаемости. У Султанова, напротив, акцент смещён в экзистенциально-психологическую плоскость: инстинктивное стремление героя к матери и символическая сцена встречи в ветхом шалаше превращают её в персонификацию внутреннего дома – малой родины как эмоционально-смыслового центра, сохраняющего целостность личности даже в моменты уязвимости. Таким образом, если у Мазина мать – опора социума, то у Султанова – основа индивидуального бытия. Вместе эти подходы демонстрируют двойственную природу малой родины: она одновременно, и коллективная территория выживания, и сокровенное пространство самоопределения.

Обсуждение и заключение

Анализ трёх ключевых смысловых центров: образов родного села, природы и матери показал, что, как у В. Мазина, так и у О. Султанова, они функционируют как сквозные экзистенциальные маркеры идентичности. Образ малой родины в обоих случаях сужается до конкретных микротопонимов и биографических деталей (Ларьяк, Вах у В. Мазина и Тосор, Иссык-Куль у О. Султанова), которые при соприкосновении с русскоязычным кодом трансформируются в универсальные гуманистические категории. Образ матери для обоих авторов становится высшей точкой аксиологической шкалы, связывающей личную память с исторической памятью поколений.

При общности тематического каркаса сопоставление выявило две противоположные ментальные модели. Поэтика В. Мазина укоренена в северной циркумполярной традиции: образ малой родины здесь раскрывается через мотивы трагической элегии, экзистенциального одиночества, старения и необратимого разрыва с прошлым (мотив «потери»). Напротив, лирика О. Султанова транслирует центральноазиатский кочевой архетип, где малая родина и её ландшафт персонифицируются как живые субъекты («вторая мать, второй отец»), дарующие лирическому герою духовный оберег, жизнеутверждающую силу и перманентную связь с предками (мотив «опоры»).

В соответствии с теорией М. Риффатера, простые описания природы и быта в стихотворениях при глубоком прочтении раскрывают скрытые смысловые коды (матрицы) авторов. У В. Мазина

подобной основной идеей становится разрушение сакрального центра: образы стареющего дома и грустного ручья указывают на потерю корней. У О. Султанова, напротив, работает концепт возвращения к истокам, где образы реки Тосор и слёз

матери символизируют живую связь с родом. посредством русского языка эти художественные модели Владимира Мазина и Омора Султанова переводятся в символы, понятные для мультикультурной аудитории..

Список источников и литературы

1. Абдыжапарова К. А. Мост между культурами: влияние перевода кыргызской поэзии на мировую литературу // Вестник Международного Университета Кыргызстана. 2023. № 3 (51). С. 11–15. DOI: 10.53473/16946324_2023_3_11.
2. Антология кыргызской литературы: публицистическая лирика середины XX – начала XXI века в оригинале и переводах: Книга 1. Омор Султанов / Ж. О. Султанова. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2025. 439 с.
3. Арзамасов А. А. Феномен русскоязычной литературы этнически нерусских авторов: манси Андрей Тарханов // Русское слово в Кыргызстане. 2025. № 3 (53). С. 19–27.
4. Бахтириева У. М., Валикова О. А. Мы в одной лодке: итоги и перспективы работы Международного Айтматовского форума // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 175–178. DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-175-178.
5. Бейшеналиева Б. А. Прощаясь с государственной поддержкой: новый этап истории русского перевода кыргызской поэзии // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2022. Т. 22. № 10. С. 56–61. DOI 10.36979/1694-500X-2022-22-10-56-61.
6. Белькова А. Е. Контекстуальные синонимы как стилистическое средство выразительности в языке поэзии В. А. Мазина // Вестник Нижневартского государственного университета. 2014. № 4. С. 3–9.
7. Белькова А. Е. Специфика синонимии как проявление номинативного варьирования в югорской поэзии: на материале творчества Владимира Алексеевича Мазина // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 15–21. DOI 10.30624/2220-4156-2018-8-1-22-27.
8. Бокова Ж. Т. Мастерство создания образа ребёнка в сборнике стихов Омора Султанова «Горные дни» // Известия ВУЗов (Кыргызстан). 2014. № 1. С. 236–238.
9. Бокова Ж. Т. Тема Великой Отечественной войны в кыргызской поэзии (на примере произведений кыргызского народного поэта Омора Султанова) // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 7. С. 565–570. DOI 10.33619/2414-2948/80/61.
10. Бороноев А. О. Понятие малой родины: определение и содержание // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 3 (56). С. 60–66.
11. Динисламова О. Ю. Мир детства в поэтическом творчестве Светланы Динисламовой // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2025. Т. 16. № 3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/37FLSK325.pdf>. (дата обращения: 14.01.2026). DOI: 10.15862/37FLSK325.
12. Каксин А. Д., Чертыкова М. Д. Ларьякское концептуальное пространство Владимира Мазина // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 2. С. 235–244.
13. Кашкарева А. П. Этносемиотика цветообозначений в творчестве М. К. Вагатовой (Волдиной) // Современная регионалистика: традиционные подходы и новые направления: Сб. науч. ст. III Междунар. научн. конференции, посвящённой 75-летию профессора Н. А. Дворяшиной. Сургут: СурГПУ, 2024. С. 68–75.
14. Косинцева Е. В. Образ города в хантыйской поэзии (к проблеме метатекста в хантыйской литературе) // Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 12th International Academic Conference. St. Louis, Missouri, USA: Publishing House Science and Innovation Center, Ltd., 2017. С. 108–114.
15. Косинцева Е. В. Образ дома в поэзии В. А. Мазина // Филологические исследования обско-угорских языков: традиции, новации, итоги, перспективы: Матер. Всерос. заочной науч.-практич. конф. XII Югорские чтения. Ханты-Мансийск: Формат, 2014. С. 150–156.
16. Ларкович Д. В. Поэтическая география Ю. Н. Шесталова // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (11). С. 41–49. DOI 10.26105/PBSSPU.2022.14.36.008.
17. Мазин В. А. Пристань радостей и печалей: Сборник стихов. Сургут: Северный дом, 1997. 112 с.
18. Петрова С. М. Русский язык как средство межкультурной коммуникации на современном этапе // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2015. № 4 (48). С. 98–109.
19. Рябий И. Г. Человек и природа в поэзии Югры // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № 4 (39). С. 105–108.
20. Степанова Н. Владимир Мазин: Я по-хантыйски начал петь, по-русски собирая звуки // Новости Приобья: Общественно-политическая газета Нижневартского района. 2019. № 66 от 24 июня. URL: <http://novpriob.ru/articles/media/2019/6/22/vladimir-mazin-ya-po-hantyjski-nachal-pet-po-russki-sobiraya-zvuki/> (дата обращения: 20.12.2025).
21. Султанова Ж. О. Поэзия М.Ю. Лермонтова в зеркале кыргызской литературы: анализ переводов Омора Султанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 226–247. DOI: 10.17223/19986645/92/12.
22. Султанова Ж. О. Стихотворения А. С. Пушкина на кыргызском языке: эквивалентность, вольность и адекватность переводов Омора Султанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 2. С. 397–405. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-397-405.
23. Султанова Ж. О. Концептуально-содержательное своеобразие художественного перевода поэмы «Демон» М. Ю. Лермонтова на кыргызский язык в варианте О. Султанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2024. Т. 16. № 2. С. 423–439. DOI: 10.21638/spbu13.2024.209.
24. Kazakova N. A. Haiku in Asian poetry: Matsuo Basho versus Lira Usonakun kyzy // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 2. Pp. 459–462.
25. Khudayberdiev A. The intrpretation of the homeland in the works of Muhammad Yusuf// Current research journal of philological sciences. 2021. № 2. Pp. 27–30. DOI: 10.37547/philological-crjps-02-08-07.
26. Molla Ebrahimi E., Parvaneh S. Analyzing the Mental Patterns of Nature and Homeland in Jassim al-Sahih's Poetic Experience, Relying on the Semiotics Approach of Michael Riffaterre) Case Study: The Od "Buhayra al-Qasida. Qamar al-Qare"and al-Watan Biabjadiya Thania) // Adab-E-Arabi (Arabic Literature) (Scientific). 2025. Vol. 17. № 1 (43). Pp. 131–154, 2025. DOI: 10.22059/jalit.2024.379666.612849.
27. Pavlenko A. Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2008. Vol. 11. № 3–4. Pp. 275–314. DOI:10.1080/13670050802271517.

28. Zhamanakova M. The translation features of Flora in the epic “Manas” from the Kyrgyz into English language // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 6–5 (74). Pp. 22–36.

References

1. Abdyzhaparova K. A. *Most mezhdu kul'turami: vliyanie perevoda kyrgyzskoj poezii na mirovuyu literaturu* [The bridge between cultures: the impact of translation of Kyrgyz poetry on world literature]. *Vestnik Mezhdunarodnogo Universiteta Kyrgyzstana* [Bulletin of the International University of Kyrgyzstan], 2023, no. 3, pp. 11–15. DOI: 10.53473/16946324_2023_3_11. (In Russian)
2. *Antologiya kyrgyzskoj literatury: publicisticheskaya lirika serediny XX – nachala XXI veka v originale i perevodakh: Kniga 1. Omor Sultanov* [Anthology of Kyrgyz literature: Publicistic lyrics of the middle XX – early XXI centuries in the original and in translation: Book 1. Omor Sultanov]. Ed. Zh. O. Sultanova. Bishkek: KRSU Publ., 2025. 439 p. (In Kyrgyz, Russian)
3. Arzamazov A. A. *Fenomen russkoyazychnoj literatury etnicheski nerusskikh avtorov: mansi Andrej Tarkhanov* [Phenomenon of Russian-language literature of ethnically non-Russian authors: the Mansi writer Andrey Tarkhanov]. *Russkoe slovo v Kyrgyzstane* [Russian Word in Kyrgyzstan], 2025, no. 3, pp. 19–27. (In Russian)
4. Bakhtikireeva U. M., Valikova O. A. *My v odnoj lodke: itogi i perspektivy raboty Mezhdunarodnogo Ajtmatovskogo foruma* [We Are in the Same Boat: results and prospects of the International Aytmatov's Forum]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], 2024, no. 21 (1), pp. 175–178. DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-175-178. (In Russian)
5. Beyshenalieva B. A. *Proshchayas's gosudarstvennoj podderzhkoj: novyy etap istorii russkogo perevoda kyrgyzskoj poezii* [Farewell to state support: a new stage in the history of Russian translations of Kyrgyz poetry]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta* [Vestnik of Kyrgyz-Russian Slavic University], 2022, no. 22 (10), pp. 56–61. DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-10-56-61. (In Russian)
6. Belkova A. E. *Kontekstual'nye sinonimy kak stilisticheskoe sredstvo vyrazitel'nosti v yazyke poezii V. A. Mazina* [Contextual synonyms as a stylistic means of expression in V. A. Mazin's poetic language]. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Nizhnevartovsk State University], 2014, no. 4, pp. 3–9. (In Russian)
7. Belkova A. E. *Spetsifika sinonimii kak proyavlenie nominativnogo var'irovaniya v yugorskoj poezii: na materiale tvorchestva Vladimira Alekseevicha Mazina* [Specificity of synonymy as a manifestation of nominative variation in Yugra poetry: based on the works of Vladimir Alekseevich Mazin]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugrian Studies], 2018, no. 8 (1), pp. 15–21. DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-1-22-27. (In Russian)
8. Bokoeva Zh. T. *Masterstvo sozdaniya obraza rebenka v sbornike stikhov Omora Sultanova “Gornye dni”* [The mastery of creating the image of a child in Omor Sultanov's poetry collection “Mountain Days”]. *Izvestiya VUZov (Kyrgyzstan)* [News of universities (Kyrgyzstan)], 2014, no. 1, pp. 236–238. (In Kyrgyz)
9. Bokoeva Zh. T. *Tema Velikoj Otechestvennoj vojny v kirgizskoj poezii (na primere proizvedenij kirgizskogo narodnogo poeta Omora Sultanova)* [The theme of the Great Patriotic War in Kyrgyz poetry (on the example of works by the Kyrgyz People's Poet Omor Sultanov)]. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice], 2022, no. 8 (7), pp. 565–570. DOI: 10.33619/2414-2948/80/61. (In Russian)
10. Boronoev A. O. *Ponyatie maloj rodiny: opredelenie i sodержanie* [The concept of “small homeland”: definition and content]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye* [Society. Environment. Development], 2020, no. 3, pp. 60–66. (In Russian)
11. Dinislamova O. Yu. *Mir detstva v poeticheskom tvorchestve Svetlany Dinislamovoy* [World of childhood in the poetry of Svetlana Dinislamova]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya* [World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies], 2025, no. 16, no. 3. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/37FLSK325.pdf> (accessed January 14, 2026). DOI: 10.15862/37FLSK325. (In Russian)
12. Kaksin A. D., Chertykova M. D. *Laryakskoe kontseptual'noe prostranstvo Vladimira Mazina* [Laryak conceptual space in the poetry of Vladimir Mazin]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugrian Studies], 2022, no. 12 (2), pp. 235–244. (In Russian)
13. Kashkareva A. P. *Etnosemiotika tsvetooboznachenij v tvorchestve M. K. Vagatovoj (Voldinoj)* [Ethno-semiotics of color terms in the works of M. K. Vagatova (Voldina)]. *Sovremennaya regionalistika: traditsionnye podkhody i novye napravleniya: sbornik nauchnykh statej III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, posvyashchennoj 75-letiyu d. ph.n., professora N. A. Dvoryashinoj* [Modern regional studies: traditional approaches and new directions: proceedings of the 3rd International Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Philological Sciences, Professor N. A. Dvoryashina]. Surgut: Surgutskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2024. Pp. 68–75. (In Russian)
14. Kosintseva E. V. *Obraz goroda v khantijskoj poezii (k probleme metateksta v khantijskoj literature)* [The image of the city in Khanty poetry (on the problem of meta-text in Khanty literature)]. *Applied and Fundamental Studies: Proceedings of the 12th International Academic Conference*. St. Louis, Missouri, USA: Publishing House Science and Innovation Center, Ltd., 2017. Pp. 108–114. (In Russian)
15. Kosintseva E. V. *Obraz doma v poezii V. A. Mazina* [The image of home in V. A. Mazin's poetry]. *Filologicheskie issledovaniya obshcho-ugorskikh yazykov: traditsii, novatsii, itogi, perspektivy: materialy Vserossiyskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii XII Yugorskie chteniya* [Philological studies of Ob-Ugrian languages: traditions, innovations, results, prospects: proceedings of the XII Yugra Readings]. Khanty-Mansiysk: Format Publ., 2014. Pp. 150–156. (In Russian)
16. Larkovich D. V. *Poeticheskaya geografiya Yu. N. Shestalova* [The poetic geography of Yu. N. Shestalov]. *Filologicheskij vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Philological Bulletin of Surgut State Pedagogical University], 2022, no. 3, pp. 41–49. DOI: 10.26105/PBSSPU.2022.14.36.008. (In Russian)
17. Mazin V. A. *Pristan' radostej i pechalej: sbornik stikhov* [The harbor of joys and sorrows: collection of poems]. Surgut: Severnyj dom Publ., 1997. 112 p. (In Russian)
18. Petrova S. M. *Russkij yazyk kak sredstvo mezhkul'turnoj kommunikatsii na sovremennom etape* [Russian language as the mean of intercultural communication at the present stage]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Bulletin of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov], 2015, no. 4, pp. 98–109. (In Russian)
19. Ryabij I. G. *Chelovek i priroda v poezii Yugry* [Man and nature in the poetry of Yugra]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Yugra State University], 2015, no. 4, pp. 105–108. (In Russian)
20. Stepanova N. *Vladimir Mazin: Ya po-hantijski nachal pet', po-russki sobiraya zvuki* [Vladimir Mazin: I began to sing in the Khanty language, collecting sounds in the Russian one]. *Novosti Priob'ya: Obshchestvenno-politicheskaya gazeta Nizhnevartovskogo rajona* [News of the Ob Region: Socio-political newspaper of the Nizhnevartovsky District], 2019, June 24, no. 66. Available at: <http://novpriob.ru/articles/media/2019/6/22/vladimir-mazin-ya-po-hantijski-nachal-pet-po-russkisobiraya-zvuki/> (accessed December 20, 2025). (In Russian)

21. Sultanova Zh. O. *Poeziya M. Yu. Lermontova v zerkale kirgizskoj literatury: analiz perevodov Omora Sultanova* [M. Yu. Lermontov's poetry in the mirror of Kyrgyz literature: analysis of Omor Sultanov's translations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2024, no. 92, pp. 226–247. DOI: 10.17223/19986645/92/12. (In Russian)
22. Sultanova Zh. O. *Stikhotvoreniya A. S. Pushkina na kyrgyzskom yazyke: ekvivalentnost', vol'nost' i adekvatnost' perevodov Omora Sultanova* [A. S. Pushkin's poems in the Kyrgyz language: equivalence, liberty and adequacy of Omor Sultanov's translations]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2024, no. 29 (2), pp. 397–405. DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-2-397-405. (In Russian)
23. Sultanova Zh. O. *Kontseptual'no-soderzhatel'noe svoeobrazie khudozhestvennogo perevoda poemy "Demon" M. Yu. Lermontova na kyrgyzskij yazyk v variante O. Sultanova* [Conceptual and semantic specificity of the artistic translation of M. Yu. Lermontov's poem "The Demon" into Kyrgyz language in O. Sultanov's version]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies], 2024, no. 16 (2), pp. 423–439. DOI: 10.21638/spbu13.2024.209. (In Russian)
24. Kazakova N. A. Haiku in Asian poetry: Matsuo Basho versus Lira Usonakun kyzy. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern Scientific Research and Innovations], 2017, no. 2, pp. 459–462. (In English)
25. Khudayberdiev A. The interpretation of the homeland in the works of Muhammad Yusuf. *Current Research Journal of Philological Sciences*, 2021, no. 2, pp. 27–30. DOI: 10.37547/philological-crjps-02-08-07. (In English)
26. Molla Ebrahimi E., Parvaneh S. Analyzing the mental patterns of nature and homeland in Jassim al-Sahih's poetic experience, relying on the semiotics approach of Michael Riffaterre (Case study: the ode "Buhayra al-Qasida. Qamar al-Qare" and "al-Watan Biabjadiya Thania"). *Adab-E-Arabi (Arabic Literature) (Scientific)*, 2025, no. 17 (1), pp. 131–154. DOI: 10.22059/jalit.2024.379666.612849. (In English)
27. Pavlenko A. Multilingualism in post-Soviet countries: language revival, language removal, and sociolinguistic theory. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2008, no. 11 (3–4), pp. 275–314. DOI: 10.1080/13670050802271517. (In English)
28. Zhamanakova M. The translation features of flora in the epic "Manas" from Kyrgyz into English. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* [Topical Scientific Research in the Modern World], 2021, no. 6–5, pp. 22–36. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Султанова Жыпар Оморовна, профессор кафедры международной журналистики факультета международных отношений Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина (720010, Кыргызская Республика, Бишкек, бульвар Молодой Гвардии, д. 55), доктор филологических наук, доцент.

jeep502@inbox.ru

ORCID ID: 0009-0009-6675-3818

ABOUT THE AUTHOR

Sultanova Zhypar Omorovna, Professor of the Department of International Journalism of the Faculty of International Relations, Kyrgyz-Russian Slavic University named after the First President of the Russian Federation B. N. Yeltsin (720010, Kyrgyz Republic, Bishkek, Molodaja Gvardija Boulevard, 55), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

jeep502@inbox.ru

ORCID ID: 0009-0009-6675-3818